

АКТУАЛЬНІ ПРОБЛЕМИ ТЕОРІЇ ЛІТЕРАТУРИ ТА ЛІТЕРАТУРНОЇ КРИТИКИ

УДК 821.111«17»

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-1

Н.В. КАЛИБЕРДА,

преподаватель кафедры иностранных языков

*для инженерно-технических и естественнонаучных специальностей
Днепропетровского национального университета имени Олеся Гончара*

АНГЛИЙСКИЙ РОМАН XVIII в. И ФЕМИНИСТСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

В статье освещаются и комментируются положения работ влиятельных представителей феминистской критики последних десятилетий XX ст., которые стремятся дополнить и уточнить сложившиеся в науке концепции рождения жанра английского романа XVIII в. Наследуя идею гендерного различия мужского и женского письма, авторства, а также читательского восприятия текста, литературоведы, исповедующие феминистские ценности, осмелятся на полемику с Айеном Уоттом, связывающим происхождение романа с ростом влияния среднего класса, расширением возможностей книжного рынка, заинтересованностью ведущих художников в литературной технике «формального реализма». Так, Нэнси Армстронг в статье о вкладе феминизма в изучение романа подчеркнёт, что до появления феминистской научной школы исследователи оценивали романские тексты в координатах традиционной аксиологии. Однако благодаря феминистскому проекту произошёл перелом в восприятии классических произведений. Отталкиваясь от категории гендерного различия ("gender difference"), феминистские критики стоят у истоков гендерно-ориентированной реинтерпретации истории британской литературы. Они поставят себе в заслугу пересмотр академического историко-литературного канона, введение в обращение имён женщин-авторов, описание их текстов, восприятие современного читателя, а также создание инновационной исследовательской методологии.

Ключевые слова: женские исследования, феминистская критика, гендерные теории, женское/мужское авторство, феминность, маскулинность, гендерные различия, семейно-бытовой роман.

У статті висвітлюються і коментуються положення робіт впливових представників феміністської критики останніх десятиліть XX ст., які прагнуть доповнити і уточнити концепції народження жанру англійського роману XVIII в., що склалися у науці. Наслідуючи ідею гендерної відмінності чоловічого і жіночого письма, авторства, а також читацького сприйняття тексту, літературознавці, які сповідують феміністські цінності, наслідують на полеміку з Айеном Уоттом, який пов'язував походження роману з ростом впливу середнього класу, розширенням можливостей книжкового ринку, зацікавленістю провідних художників у літературній техніці «формального реалізму». Ненсі Армстронг у статті про внесок фемінізму у вивчення роману підкреслить, що до появи феміністської наукової школи дослідники оцінювали романні тексти у координатах традиційної аксіології. Проте завдяки феміністському проекту відбувся злам у сприйнятті класичних творів. Відштовхуючись від категорії гендерної відмінності ("gender difference"), феміністські критики стоять у витоків гендерно-орієнтованої реінтерпретації історії британської літератури. Вони поставлять собі в заслугу перегляд академічного історико-літературного канону, введення до обігу імен жінок-авторів, опис їх текстів, виховання сучасного читача, а також створення інноваційної дослідницької методології.

Ключові слова: жіночі дослідження, феміністська критика, гендерні теорії, жіноче/чоловіче авторство, фемінність, маскуліність, гендерні відмінності, сімейно-побутовий роман.

В 1980-е гг. феминистская критика после десятилетия поисков заявит о необходимости дополнить и уточнить сложившиеся в науке взгляды о рождении жанра английского романа XVIII ст. Следуя идее гендерного различия мужского и женского письма, авторства, а также читательского восприятия текста, литературоведы, исповедующие феминистские ценности, отважатся на полемику с авторитетным Айеном Уоттом, связывавшим возвышение романного жанра с ростом влияния среднего класса, расширением возможностей книжного рынка, заинтересованностью ведущих художников в литературной технике «формального реализма» [2]. Если в 1970–80-е гг. феминистская критика открывает для себя перспективные темы, совершенствует и опробует научный аппарат, методологию исследования, то в настоящее время её завоевания в сфере изучения истории романа XVIII ст. неоспоримы.

Феминистской школе многое удалось, были переосмыслены эстетические критерии понимания объёмного корпуса женской романистики XVII–XVIII ст. Феминистское течение в науке позволило иначе взглянуть на процесс становления западноевропейского жанрового канона, откуда женские тексты были несправедливо исключены. Как следствие возникла необходимость расширения границ канонической прозы и дополнения её произведениями, написанными женщинами. Феминистское литературоведение актуализирует гендерную проблематику романа, ядром которой станут темы женского бесправия, соотношения женщин с бытовой сферой, удалённой от мира политической и экономической активности [1–7; 14; 15].

Известный литературовед и специалист в области британской культуры Тони Бауэрс, отмечая близость таких научных течений, как *женские исследования* (Women's Studies), *феминистская критика* (Feminist Criticism) и *гендерные теории* (Gender Studies), сходство их методологических позиций, тяготеющих к междисциплинарным гуманитарным подходам, всё же полагает необходимым выявить и различия трёх «сестринских» явлений. Она напоминает, что *женские исследования* заявили о себе в 70-е гг. прошлого века, отъединившись от женского движения эпохи. Странники *женских исследований* работали над тем, чтобы включить голоса и опыт женщин в мир культуры, где прежде доминировали мужчины с тем, чтобы осознать важность вопроса гендерного различия, ставшего необходимой гранью западной интеллектуальной традиции [1, p. 935].

Поначалу в литературной критике, указывает Тони Бауэрс, *женские исследования* были соотношены с процессом реконструкции образцов творчества прошедших веков, когда достижения авторов-женщин извлекались из забвения. Наряду с усилиями по возвращению к современному читателю утраченных трудов, написанных женщинами, возник интерес к феномену повседневной жизни женщины. Женская оптика восприятия прошлого стала открытием научного течения, так как его сторонницы обладали свойствами «женского воображения» [1, p. 935].

В наши дни *женские исследования* соотносятся с небольшим кругом проблем, всё ещё сохраняющих значение для критиков. Позже такого рода специалисты были поглощены более объёмной областью социологии. Вероятно, это произошло из-за того, что в западных университетах и колледжах *женские исследования* не только дали название факультетам, но и явились предметом организационной деятельности. В 70-х, а затем в 80-х гг. критики расширили применение ревизионистских теорий в сфере языка, культуры и общества. Изменились также и подходы к изучению текстов XVIII ст., принадлежащих женщинам и написанных о женщинах. Так, стали прибегать к использованию структуралистских, постструктуралистских, психоаналитических, марксистских и феминистских приёмов анализа литературных произведений [1, p. 936].

В свою очередь *феминистская критика* более тяготела к истории, нежели *женские исследования*, и всегда привлекала учёных-теоретиков, которые гибко владели междисциплинарным дискурсом. Всё же, убеждена Тони Бауэрс, *феминистская критика* не так однозначна. Известно, что исследователи-феминистки «ранней второй волны» принимали опыт и мироощущение хорошо образованных, принадлежащих среднему классу «белых американок» в качестве образца. Вследствие того, что *феминистская критика* была теоретически оснащена, её соотносили с академической традицией, порою прохладно принимаемой широкой аудиторией из-за усложнённого содержания и формы [1, p. 936].

Гендерные исследования, появившиеся недавно, не только связаны с опытом и творчеством женщин, чья парадигма в культуре всегда вторична, но и с вопросами гендерного различия ("*gender difference*"), касающегося групп нетрадиционного сексуального опыта и изучения маскулинности. Исследователей гендера занимает тема доминирования и власти в иерархическом обществе, структурирование ролей и отношений с помощью бинарных оппозиций мужского и женского, традиционного и альтернативного, цивилизованного и варварского. Теория гендера гибко дополняет такие научные течения, как *женские исследования* и *феминистская критика*. В среде феминисток, практиков *женских исследований*, распространено мнение о том, что гендерное направление также обладает рядом противоречивых положений. Специалисты опасаются, что теории маскулинности и мужской культуры, популярные в гендерных исследованиях, могут ослабить внимание к женскому опыту и творчеству [1; 3; 4].

Тони Бауэрс, идентифицирующая себя с поздней волной феминистской литературной критики, уверена, что *феминистская научная школа*, *женские* и *гендерные исследования* представляют собою плодотворное поле деятельности. Названия течений не являются синонимами, но и не исключают друг друга. Тони Бауэрс считает, что *женские исследования* составляют важный пласт современной науки и их присутствие в университетских программах необходимо, в то время как *феминистская критика* и *гендерные исследования* принадлежат сфере практической деятельности и более всего соприкасаются с научной методологией «*критики культуры*» ("*cultural studies*") [1, p. 936].

Нэнси Армстронг в статье о вкладе феминизма в изучение романа ("*What Feminism did to Novel Studies*", 2006) подчеркивает, что до появления феминистской научной школы исследователи оценивали романские тексты в координатах традиционной аксиологии, следили за судьбой протагониста, преодолевающего трудности, восстанавливающего гармонию отношений и обретающего устойчивость в социальной реальности. Однако благодаря феминистскому проекту произошёл перелом в восприятии классических текстов. Проникшийся идеями феминизма читатель не только проявит чувство солидарности по отношению к Робинзону Крузо, наконец-то заполучившему в собственность возделанную землю, не столько близко к сердцу примет судьбу Тома Джонса и вовлечённого в события национальной истории Уэверли, сколько обеспокоится проблемой полноты реализации личности известных романских героинь, Памелы Ричардсона, Элизабет Бэннет, Эммы Вудхаус Остен, Джейн Эйр Бронте [4, p. 99].

Ранние феминистки поначалу соотносят успехи социальной адаптации женщин с сугубо маскулинными критериями, способностью к активной деятельности и достижением высокого экономического статуса. Поэтому характерологическими свойствами, определяющими возвышение незаурядной женщины, оказываются психологические черты, тяготеющие к достоинствам мужского типа поведения, а именно рациональность, последовательность поступков, надёжность принятия решений, непоколебимость духа и твёрдость убеждений. Осознавая пока ещё утопичность преодоления запретов и преград, не позволяющих женщинам обрести социальную свободу, условием разрушения традиций прошлого называют необходимость образования для женщин и возможность проявить себя в творческой, прежде всего, литературной деятельности с тем, чтобы зазвучал женский голос, и, наконец, женское слово было услышано.

Хелен Моглен в работе «Травма гендера» (2001), обращаясь к единомышленникам, одной из первых взяла на себя смелость утверждать, что не только социоисторическая гипотеза Айены Уотта о появлении романа Нового времени имеет право на существование, но и набирающая сторонников феминистская идея о том, что нарастающая в английском обществе в XVII–XVIII ст. **гендерная поляризация также стала мощным импульсом к обретению жанром зрелости** [5, p. 5].

Нэнси Армстронг убеждена, что Элен Шоуолтер («Их собственная литература», 1977), Сандра Гилберт и Сьюзан Губар («Безумная на чердаке», 1979) и солидарные с ними Кэролин Хэйлбрэн, Нина Ауэрбах способствовали тому, что наряду с доминирующей в спорах о рождении романа маскулинной моделью жанра была обозначена и женская традиция («*a separate tradition of women's writing*») [8–11]. Гилберт и Губар признают, что, наследуя Гарольда Блума и одновременно полемизируя с ним, они иначе оценивают опыт первых

женщин-романисток. Если Блум метафорически использовал психоаналитический концепт о соперничестве поколений сыновей и отцов для описания литературной истории [12], то Гилберт и Губар, обозначив женщин-романисток как дочерей, исполненных таланта и негодования не столько по отношению к отцам, но к бунтовщикам-братьям, указывали, что женщины-авторы не стремились вытеснить мужчин из пространства литературы. Они не намерены были противостоять отцам и боролись с другими сочинительницами за любовь своих защитников. По мнению Гилберт и Губар, желая победить, женщины-сочинительницы не противоречили устоявшейся традиции, но подчинялись ей. Романистки направили свой талант и изобретательность на поиск возможностей выразить недовольство зависимым положением, в котором очутились, однако, не оспаривая «учреждённые» мужчинами-писателями нормы романного жанра [9, p. 2–3].

Гилберт и Губар предполагают, что именно из-за ограничений, налагаемых культурой на женщин-романисток, Шарлотта Бронте была вынуждена «укротить» непокорный нрав Джейн Эйр и ввести в художественный мир текста иной женский характер – безумную Бертту Мейсон, обрушивающую ярость на окружающих, чего не могла позволить себе ни автор, ни главная героиня [9, p. 4]. «Ущербный» персонаж, неожиданно вставший на защиту героинь, «лишённых голоса», превратится в сквозной образ феминистской критики. Для того, чтобы понять значение смиренной женской фигуры для викторианской культуры, утверждает Нэнси Армстронг, необходимо проследить, как проблема запрета на право выразить себя присутствовала в литературе того времени [4, p. 101].

Полагают, что авторы прошлого тайно поощряли бунтовской дух протагонисток, не приемлющих власти отцов, мужей, норм культуры, сдерживающих свободу женщины. И как следствие, читатели и критики находили знаки неповиновения в женских характерах, проявлявших строптивость. Порою героини склонялись к агрессии, когда не могли открыто, как мужчины, обсуждать волнующие их вопросы. Поэтому в области культуры и литературы женщины прибегали к своего рода компенсации, отваживались на критику авторитета мужчин.

Нэнси Армстронг предлагает сопоставить, насколько сложившийся гендерный тип поведения героя или героини меняет восприятие содержания романа читателями. Исследователь уверяет, что если романский протагонист встречал на своём пути препятствия, то ему позволялось преступать нормы, нарушать правила. Он, пренебрегая этикетом, перемещался из одного социального слоя в другой, что воспринималось как заслуженная победа, оправдываемая дерзостью.

Какая же участь – вопрошает Нэнси Армстронг – ожидала героиню, наделённую достоинствами и талантами, не заметить которые было невозможно? Влияло ли это на судьбу, реагировало ли окружение на интеллектуальное превосходство женщины, смелость её поступков, остроту ума, готовность к приключениям? Не обрекала ли незаурядность натуры на сложности отношений женщины с мужчинами, которые рассчитывали на смирение и по праву сильных мира сего могли гарантировать ей высокий социальный статус? С сожалением критики-феминистки признают, что женщина в XVIII ст. попадала в положение выбора без выбора: она или оставалась в тени избранника, или действовала самостоятельно, отказываясь от помощи, жертвовала репутацией, а её независимость и красота лишь настораживали поклонников [4, p. 102].

Литература прошлого, прочитанная сквозь призму феминистских идей, оказывается более сложной и интересной. Феминистские критики «очуждают» механистичность привычки, в который раз позволяющей узнавать из текстов, как благодаря предприимчивости мужчины перераспределяют экономическую и политическую власть в обществе, в то время как женщина может получить признание лишь в союзе с могущественным мужчиной. Вероятно, поэтому чувствительная героиня восстаёт против сложившихся норм культуры, не разрушая устоев своей среды, однако, напротив, смирением сохраняя привлекательность для сильного пола.

Откликаясь на положения психоанализа, феминистское литературоведение подмечает, что женщинам-писательницам принадлежит первенство в воссоздании внутреннего мира персонажей, в особенности образов женского сознания, чей сложный рисунок во многом предвосхищает открытия фрейдистов. Быть может, уточняют критики, женщины-

авторы более увлечены искусностью формы и вниманием к душевным переживаниям героинь вследствие ограниченности социального опыта и недостаточной вовлечённости в публичную сферу [1; 3–6; 15].

На 80-е гг. XX века приходится всплеск интереса к истории рождения романа, и вновь идеи А. Уотта о романе составляют предмет полемики и широкой дискуссии. В понимании Нэнси Армстронг Уотту было свойственно видеть в художественной прозе «перевосхождение» текстов ранней журналистики, ставшей приметой революции в печатной культуре, «революции, переменявшей судьбу литературы». Она теперь не столько способствует распространению аристократических ценностей, сколько приносит демократический дух в публичное пространство, превращается в средство информации и определяет досуг людей, занятых коммерцией и торговлей [4, р. 103]. **Высказывают предположение, что истоком романного жанра могли быть и покаянные исповеди, духовные автобиографии, пёстрые политические сочинения, которые с течением времени вытеснят литературные стилизации.** Очевидно, что авторы романа отвечали на запросы новых читателей, проникнутых протестантским индивидуалистическим духом, неудовлетворённых как положением в обществе, так и литературной продукцией, слабо освещающей тему достоинства человека. Несомненно, включившаяся в споры о романе феминистская критика нашла свежий ракурс видения проблемы.

Историки литературы солидарны во мнении, что роман обрёл широкое хождение среди читательской аудитории, так как содержал отклик на новые отношения между индивидом и обществом, когда личность завоёвывала положение благодаря уму, целостности и стойкости характера. Нельзя не признать, что более половины романских текстов XVIII в. были написаны женщинами, тогда почему, вопрошает Нэнси Армстронг, современное представление об индивидуальности связывают с мужчиной? Неужели роман, продолжает исследовательница, был создан писателями-мужчинами и только лишь для мужчин? [4, р. 103].

Критики-феминистки задались целью восстановить равновесие женского и мужского авторства в процессе возвышения жанра. Они заметили, что в XVIII ст. **значительно увеличилось** число так называемых “conduct books”/книг по этикету, адресованных женщинам, обучающих читательниц, каково быть настоящими леди. Наравне с романами Дефо, Ричардсона и Остен “conduct books” описывают новый канон женственности, соотнесённый с концептом “*the domestic woman*”, «женщины в пространстве дома». Нэнси Армстронг убеждена, что одним из заданий романа эпохи была необходимость воссоздать образ такой женщины, с которой мужчине хотелось бы связать себя узами брака, любви, не подавляя характер избранницы [4, р. 104].

Предложив литературе просветительскую стратегию оправдания свободы интересов и телесных желаний прежде бесправной женщины, авторы романов «модернизировали» её духовный облик, поведение, отвечая на запросы времени. Нэнси Армстронг полагает, что, обращаясь к деликатным, прежде закрытым темам, писатели хотели показать, что женщина, «укрощающая» повседневные обстоятельства и одновременно сохраняющая тепло любовных отношений, в себе самой открывала неистощимый ресурс бытия [4, р. 104].

Оппонируя феминисткам, Терри Лавелл уверяет, что с самого рождения роман был скорее низовой коммерческой формой, неприязательной и доступной для женщин-авторов. Позже, в эпоху реализма, когда он обрёл высокий литературный статус, женщины более не теснили собратьев по ремеслу. Лавелл права в том, что гендерные запросы женщин зачастую учитывались мужчинами-литераторами, так как женщины-авторы и читательницы, несомненно, влияли на этико-эстетический климат общества [13, р. 5].

Феминистские критики уверяют, что даже беглый взгляд на сложившиеся в истории романские формы убеждает, что большая часть литературных жанров подвержена переменам, тогда как семейно-бытовой роман (“*the domestic novel*”) с течением времени лишь упрочивает свои традиции. Поэтому вызывает недоумение отношение исследователей к маскулинному *Bildungsroman* как наиболее достойному и влиятельному жанру литературы XIX ст. **Феминисткам важно подчеркнуть, что содержательные границы семейно-бытового романа широки, универсальны, и, как следствие, такие жанры, как женский роман вос-**

питания, «фабричный», детективный, авантюрный и готический романы также могут быть включены в парадигму “*domestic fiction*” [1; 4–6; 15].

Нэнси Армстронг допускает, что «Робинзон Крузо» Дефо, «Уэверли» Скотта, «Домби и сын» Диккенса, а также тексты Гарди могут быть отнесены к романам, где герои обрета-ют важный опыт семейно-бытовых отношений и либо успешно справляются с обязанностями семьянина, либо пренебрегают ими. Обозначив великую традицию “*domestic fiction*” от Ричардсона до Вирджинии Вулф, феминистки осознают несхожесть литературных нарративов Афры Бен, Мэри Деларивьер Мэнли, Элизы Хейвуд, романов чувствительности, а также прозаических форм XVIII ст., широко смешивающих сентиментальные и сенсационные оттенки [4, p. 104].

Нэнси Армстронг предполагает, что увлечённость феминистского литературоведения историей семейно-бытового романа в ущерб маскулинному *Bildungsroman* отчасти произ-вольна и субъективна. Она задумывается над тем, в какой мере возможно предпочесть женскую грань писательства, осознавая, что его женская ипостась в определённые эпохи была несправедливо ущемлена в правах. Власть, которой обладала женщина в простран-стве дома, воспитании детей, организации бытового уклада, ведении хозяйства, отноше-ниях со слугами, уходе за телом, врачевании, овладении социальными ритуалами потре-бления, хотя и уступала мужским формам власти в обществе, однако не превращала суще-ствование женщин в призрачное, бестелесное, нематериальное. В патриархатном социу-ме женщины восполняли ограниченность своих свобод, приобретая авторитет в творче-стве, литературе, что и способствовало разделению британской культуры на маскулинную и феминную [4, p. 104].

Список использованных источников

1. Bowers T. Gender Studies and Eighteenth-Century British Literature / T. Bowers // *Literature Compass*. – 2007. – №4/4. – P. 935–966.
2. Watt I. The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding / I. Watt. – Berkeley: University of California Press, 1957. – 334 p.
3. Bowers T. The Achievement of Scholarly Authority for Women: Trends in the Interpretation of Eighteenth-Century Fiction / T. Bowers // *The Eighteenth Century*. – 2009. – Vol. 50. – №1. – P. 51–71.
4. Armstrong N. What Feminism Did to Novel Studies / N. Armstrong // *The Cambridge Companion to Feminist Literary Theory*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – P. 99–118.
5. Moglen H. The Trauma of Gender: a Feminist Theory of the English Novel / H. Moglen. – Berkeley: University of California Press, 2001. – 193 p.
6. Armstrong N. Desire and Domestic Fiction: A Political History of the Novel / N. Arm- strong. – New York: Oxford University Press, 1989. – P. 3–27.
7. Seager N. Feminism and the Rise of the Novel / N. Seager // *The Rise of the Novel* // N. Seager. – New York: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 89–108.
8. Showalter E. A Literature of Their Own / E. Showalter. – Princeton: Princeton University Press, 1977. – 384 p.
9. Gilbert S., Gubar S. The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination / S. Gilbert, S. Gubar. – New Haven: Yale University Press, 1979. – 719 p.
10. Heilbrun C. Writing a Woman’s Life / C. Heilbrun. – New York: Ballantine Books, 1989. – 144 p.
11. Auerbach N. Feminist Criticism Reviewed / N. Auerbach // *Gender and Literary Voice* / [ed. by Janet Todd]. – New York: Holmes & Meier Pub., 1980. – P. 258–68.
12. Bloom H. Introduction / H. Bloom // *The Eighteenth-Century English Novel*. – Philadel- phia: Chelsea House Publishers, 2004. – 473 p.
13. Lovell T. Consuming Fiction / T. Lovell. – London: Verso, 1987. – P. 144–145.
14. Richetti J. An Emerging New Canon of the British Eighteenth-Century Novel: Feminist Criticism, the Means of Cultural Production, and the Question of Value / J. Richetti // *A compan-*

ion to the eighteenth-century English novel and culture. – Wiley-Blackwell: Blackwell Publishing Ltd, 2005. – P. 365–382.

15. Armstrong N. The rise of the domestic woman / N. Armstrong // *The Ideology of Conduct (Essays on Literature and the History of Sexuality)*. – New York; London: Routledge, 2014. – P. 96–141.

THE ENGLISH NOVEL OF THE 18th CENTURY AND FEMINIST LITERARY CRITICISM

Nataliya V. Kaliberda, Oles Honchar Dnipro National University (Ukraine). E-mail: nvkaliberda@i.ua

DOI: 10.32342/2523-4463-2018-2-16-1

Key words: *women's studies, feminist criticism, gender studies, female/male authorship, femininity, masculinity, gender differences, domestic novel*

The article proposes the comments on the prominent works of the influential representatives of feminist critics of the last decades of the 20th century, who seek to specify the approaches to the rise of the English novel of the 18th century. Inheriting the idea of gender difference between male and female writing styles, authorship and reader's reception of the text, feminist literary critics try to debate with Ian Watt who links the origins of the novel genre with the growing influence of the middle class, the widening of book market and publishing, the interest of leading artists in the literary technique of formal realism. Nancy Armstrong in a famous article devoted to the contribution of feminism to novel studies emphasizes that before the emergence of feminist school and literary criticism, the researchers evaluated novel texts in the coordinates of traditional axiology. Thanks to feminist project, a transition happened in the reception of classics. Proceeding from the category of "gender difference", feminist critics stand at the origin of a gender-oriented reinterpretation of the history of British literature. They will revise the academic literary canon, returning the names of women writers, describing their texts, creating the modern reader as well as initiating the innovative research methodology.

Until the 1980s, according to Nancy Armstrong, when feminism emerged as a major force in novel studies, scholars and critics read novels novelistically. Feminist literary theory made an intervention in this way of reading British fiction, when it persuaded a whole generation of readers to consider what female protagonists lacked rather than their male counterparts.

Feminist critics (Nancy Armstrong, Helen Moglen, Toni Bowers) notice that the final three decades of the twentieth century witnessed the development of a number of new critical orientations committed to recognizing "categories of difference." Gender difference was among the earliest such categories to be addressed, and, by now, work that takes gender fundamentally into account has provided eighteenth-century studies with a vastly expanded set of textual objects and authorial personae, as well as new methods and purposes.

Women's studies, feminist criticism, and gender studies, Toni Bowers states, became intellectually and professionally acceptable, then indispensable, scholarly undertakings. By now gender studies has in its turn spawned other previously unthought directions for research. "Gender studies" has not only taught eighteenth-century scholars to notice this or that individual writer, continues T. Bowers, it has also taught scholars to ask previously unthought kinds of questions, to give careful attention to previously unregarded categories of materials, and to listen closely to previously silenced groups of voices.

The historical contributions of gender scholarship to eighteenth-century studies are unlikely to be foreclosed by new kinds of work, but gender studies may well be changed by developing interpretive trends. After all, difference includes gender difference, but does not stop there. Groundbreaking scholarship in the future can be expected to take fully on board a recognition of a number of crucial differences—those made by location, historical position, language, culture, age, rank, ethnicity, politics, material circumstances, and patterns of economic distribution, for instance—in addition to gender difference. No single scholar will be able to dictate the terms of such discussions. After all, it is at the level of the most fundamental assumptions and procedures that gender-oriented scholarship has made a lasting impact on eighteenth-century studies, and it will be at the same level that this scholarship will change and develop in the future, in response to new challenges.

References

1. Bowers, T. Gender Studies and Eighteenth-Century British Literature. In: *Literature Compass*, 2007, issue 4/4, pp. 935-966.
2. Watt, I. *The Rise of the Novel: Studies in Defoe, Richardson and Fielding*. Berkeley, University of California Press, 1957, 334 p.

3. Bowers, T. The Achievement of Scholarly Authority for Women: Trends in the Interpretation of Eighteenth-Century Fiction. In: *The Eighteenth Century*, 2009, vol. 50, no. 1, pp. 51-71.
4. Armstrong, N. What Feminism Did to Novel Studies. In: Rooney, E. (ed.), *The Cambridge Companion to Feminist Literary Theory*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006, pp. 99-118.
5. Moglen, H. *The Trauma of Gender: a Feminist Theory of the English Novel*. Berkeley, University of California Press, 2001, 193 p.
6. Armstrong, N. *Desire and Domestic Fiction: A Political History of the Novel*. N.Y., Oxford University Press, 1989, pp. 3-27.
7. Seager, N. Feminism and the Rise of the Novel. In: Seager, N. (ed.), *The Rise of the Novel*, N.Y., Palgrave Macmillan, 2012, pp. 89-108.
8. Showalter, E. *A Literature of Their Own*. Princeton, Princeton University Press, 1977, 384 p.
9. Gilbert, S., Gubar, S. *The Madwoman in the Attic: The Woman Writer and the Nineteenth Century Literary Imagination*. New Haven, Yale University Press, 1979, 719 p.
10. Heilbrun, C. *Writing a Woman's Life*. N.Y., Ballantine Books, 1989, 144 p.
11. Auerbach, N. Feminist Criticism Reviewed. In: Todd, J. (ed.), *Gender and Literary Voice*. N.Y., Holmes & Meier Pub., 1980, pp. 258-68.
12. Bloom, H. Introduction. In: Bloom, H. (ed.), *The Eighteenth-Century English Novel*. Philadelphia, Chelsea House Publishers, 2004, 473 p.
13. Lovell, T. *Consuming Fiction*. London, Verso, 1987, pp. 144-145.
14. Richetti, J. An Emerging New Canon of the British Eighteenth-Century Novel: Feminist Criticism, the Means of Cultural Production, and the Question of Value. In: Bacscheider, P., Ingrassia, C., (ed.), *A companion to the eighteenth-century English novel and culture*. Wiley-Blackwell, Blackwell Publishing Ltd, 2005, pp. 365-382.
15. Armstrong, N., The rise of the domestic woman. In: Armstrong, N., Tennenhouse, L. (ed.), *The Ideology of Conduct (Essays on Literature and the History of Sexuality)*. NY, London, Routledge, 2014, pp. 96-141.

Одержано 21.09.2018.